

“Кто был на Донбассе однажды, обязательно туда вернется

Русский писатель **Михаил ТАРКОВСКИЙ** вернулся из командировки на Донбасс. Поездка длилась более недели – за это время успел побывать на Угледарском направлении, в Артемовске, Луганске, донецком аэропорту... В каждой точке новые впечатления, встречи с бойцами и даже встречи с читателями. Будет ли книга? Почему каждый, кто побывал там и остался жив, хочет вернуться? На эти и другие вопросы Михаил Александрович ответил корреспонденту НКК.

– Что подвигло на поездку?

– Начнем с того, что многие болеющие за Родину люди пошли на защиту Донбасса и Луганска еще в 2014 году – этих многих я не знал лично, но их решимость уже, так сказать, лишала жизнь привычного покоя. Как так – они там, а я здесь? Мои товарищи и единомышленники по перу также не оставались в стороне: поэт Алексей Порохов, Захар Прилепин, которого недавно пытались ликвидировать наши европолюбовствующие бывшие братья... Совсем недавно Алексея ранило. Так что дай бог ребятам здоровья! А поэт и критик Борис Лукин, сын которого Иван, поэт, выпускник литинститута, геройски погиб при взятии Мариуполя? Пулеметчик разведроты, морпех из знаменитой 810-й бригады. Мне кажется, в такой обстановке отсиживаться просто стыдно. Ну и вообще хотелось... просто быть причастным... толком не понимая, как именно, но быть там. Быть рядом.

С другой стороны, я сознательно откладывал поездку, тянул, искал причины не ехать – а оправданий много, когда трудно решиться на поступок. Так вот да, тянул... А тянул потому, что понимал: кто был на Донбассе однажды, тот обязательно туда вернется. Помимо воли, помимо рассудка – уже по-другому будешь чувствовать жизнь вообще. Так случилось... Только сила того случившегося во много раз превзошла все ожида-

– Мы защищаем русских людей, их семьи, их детей, которые в нас верят, мы воюем с западным миром за право называться русскими, за право иметь свои представления о труде, чести, совести, о родной земле, о семье, о любви. Те, кто чувствует по-другому, – скривятся, да мне все равно

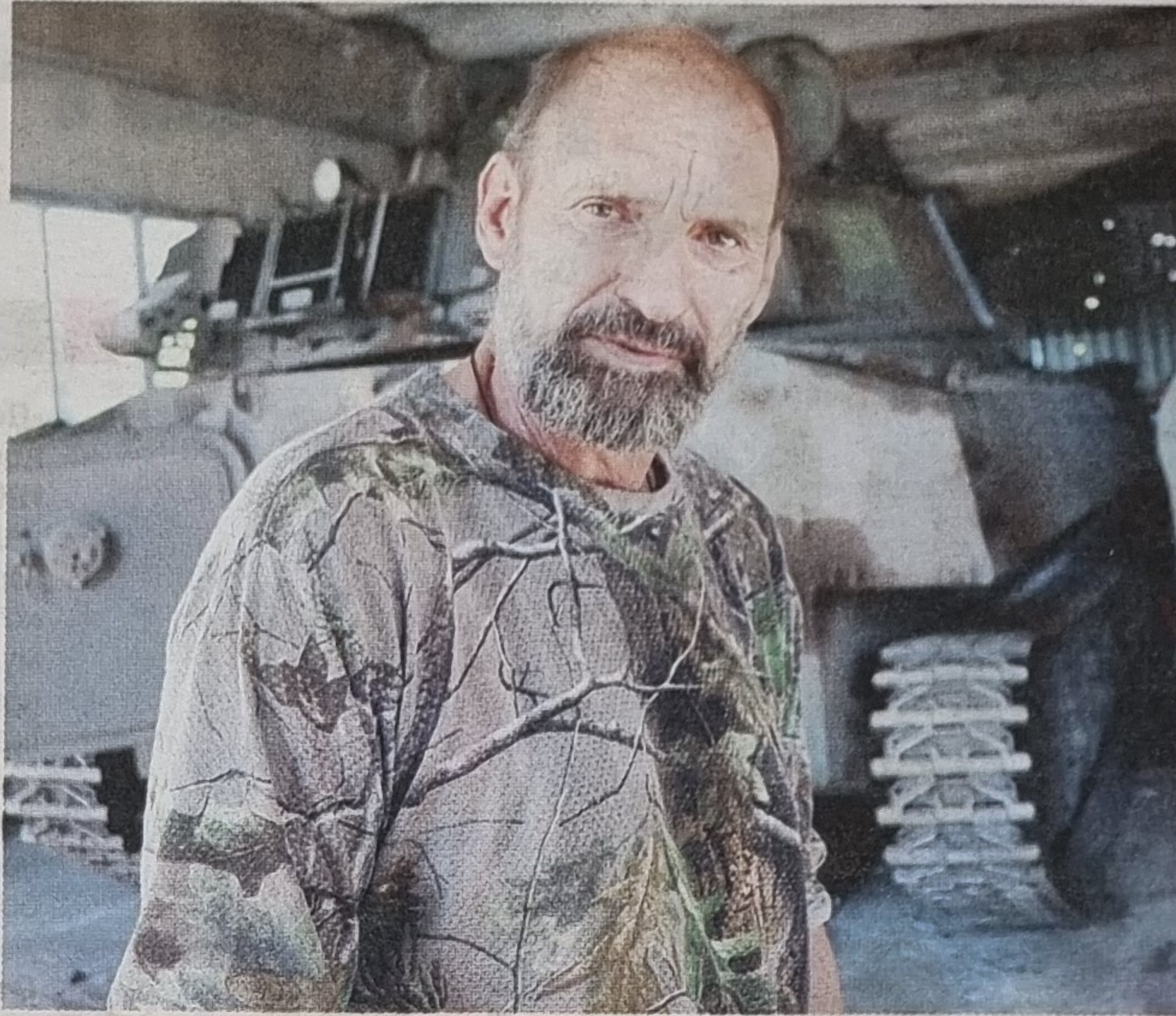
ния. И скажу еще: увиденное, услышанное, пережитое там за эти недолгие восемь дней несопоставимы с теми словами, которыми я сейчас пытаюсь хоть что-то передать.

– Какое было самое сильное переживание, потрясение в поездке?

– Да там все – самое сильное. Увидеть вживую героев фронта – и неизвестных мне доселе тружеников передовой, и легендарных командиров, боевых товарищей. Ведь при одном только упоминании об их подвигах по хребту мурашки идут. А тут я вдруг устаиваюсь встречи с ними. Да еще дарю книги, а они в ответ какие-то символические предметы, например, шевроны своих подразделений, которые я буду хранить до конца жизни. И самое главное – эти люди искренне верят в Россию, в нас, в тыл. Это великое дело, когда у тебя спина прикрыта.

– Вы бывали и в опасных местах, где идут или совсем недавно велись активные боевые действия...

– Мы бывали в разных местах. Там вообще все поразительно рядом. Расстояния по сибирским меркам игрушечные, но напряжения противостояния, жизни и смерти мощнейшие. Я всегда пытался понять: что такое авдеевский укрепрайон, почему мы никак не можем взять его? Мы были там. Вот он, совсем рядом – на кромке горизонта. Были мы и в Артемовске, который напоминает, наверное, разрушенный

– Я и не утверждаю, что многое понял. Скорее, ощутил какой-то невероятный, доселе не испытанный внутренний

И это ощущение не оставляет. Наряду с той виной, что я уже здесь, на Енисее, а ребята там. Такие родные

Грозный, с той лишь разницей, что в облике Грозного больше следов от авиаударов. В Артемовске и сейчас жарковато, прилеты видишь глазами по несколько штук. Но ребята и там стоят насмерть. Эх, пока не побываешь здесь, на Донбассе, ничего не поймешь в СВО. Да и вообще – ни в чем... Хотя я и не утверждаю, что многое понял. Скорее, ощутил... Что ощутил? Да какой-то невероятный, доселе не испытанный внутренний подъем, взлет... Не могу сказать... И это ощущение не оставляет. Наряду с той виной, что я уже здесь, на Енисее, а ребята там. Такие родные.

– Некоторые гражданские даже не понимают, за что мы воюем. Как бы вы сформулировали для таких людей – за что все-таки идет битва сейчас?

– Мы защищаем русских людей, их семьи, их детей, которые в нас верят, мы воюем с западным миром за право называться русскими, за право иметь свои представления о труде, чести, совести, о родной земле, о семье, о любви. Те, кто чувствует по-другому, – скривятся, да мне все равно. А что славяне убивают славян – это великая трагедия, и то, что американ-

цы потирают руки – подлость такая, что и слов не найти. Да и искать не надо – время терять.

– Можете назвать людей, встречи с которыми запомнились более всего?

– Да каждая встреча – это событие. Пегова и в деле видел, и как его обступают люди, когда он выходит из машины на улицу небольшого прифронтового села, заходит с магазинчик... Он там с самого начала и для Донбасса – свой. Это великое счастье и смысл. Спасибо ему. Благодаря его каналу War Gonzo я увидел боевую работу многих подразделений, в том числе и наших артиллеристов – мы выезжали на позиции. Познакомился я и с многими легендарными командирами: с комбатом «Спарты» Артемом Колымой, с Александром Ходаковским, с Александром Бородаем... Увидел просто рядовых... Героев. Скромных, веселых, разных... Ничего не меняется. Все, как у Толстого. Горжусь русским народом!

– Как вы познакомились с Пеговым?

– Ездил в Год литературы в Воронеж и на обратном пути менял тормозной диск у Прилепина в Нижнем. По-

ка я ждал запчасть, Прилепин с Ильей Шамазовым отправлялся с гуманитаркой на Донбасс. Я передал несколько книг ему. Одна из них оказалась у Семена – спустя время он пригласил меня побывать на Донбассе.

– Как там живут простые люди? Когда я там был, мне показалось, что обстрелы для местных – это уже привычно, они по звуку определяют прилет, недолет...

– Для большинства наших граждан вообще непонятно, как можно жить под обстрелами годами. Едем мы, точнее, несемся с одного важного уголка – в брониках, шлемах, со стволами, прем по сельцу меж запыленных яблонь, тополей, домишек, разрушенных и целых... А навстречу идет себе це... Выжженные солнцем ноги и руки... Идет по обочине, даже на нее не глядя, и ведет ребеночка... Так спокойно себе... Она здесь живет. Практически на линии боевого соприкосновения.

Каждую секунду может прилететь, а тут такое спокойствие, жизнь обычная. А по Донецку укронацисты накладывают без разбора – куда попадет, туда попадет...

– Донбасс меняет людей?

– Меняет. Начинаешь вообще по-другому относиться и к себе, и к своей, и к окружающей жизни, понимаешь, что во всем до конца надо идти, что жизнь короткая. И что побеждает тот, кто за правое дело готов жизнь отдать. И вот до Донецка для меня это книжные (в плохом смысле, конечно) слова были. А теперь ожили.

– Будем ли мы братьями с украинским народом после завершения СВО?

– Накануне отъезда в зону СВО был я на великолепном и, я бы сказал, знаковым мероприятии: мой старший товарищ Николай Петрович Бурляев привез свой фильм о моем дяде, кинорежиссере Андрее Тарковском. Ему задали такой же вопрос. Он сказал, что рано или поздно это произойдет. Вопрос – когда?

– У многих там есть родственники, и с украинской стороны

Некоторые районы Донецка придется строить заново ■

**открытым текстом
пишут своим дядьям,
братьям, отцам, матерям:
мы вас ненавидим...**

– Заметьте, что это игра в одни ворота. Как они радуются нашим смертям... Мученьям... Со стороны русских такой лютой ненависти нет и не будет. Еще задолго до начала СВО я наблюдал все это нагнетание ненависти... Да понятно все. С ними, уподобившимся своим западным коноводам. Недавно мне присылали снимок плаката из Великобритании: «Хороший русский – мертвый русский». Фашизм.

**– Бывало ли
страшно?**

– Вы знаете, я смотрел на тех, кто рядом, – все держались уверенно. А ситуаций,

когда вблизи снаряд или ракета попадает в технику или в здание, или как ДРГ выскакивает на дорогу... такого не было. А по поводу страха – не страха... Скорее, самый пограничный условный момент, наверное, – это попадание из Ростовской области на Донбасс. Такой, что ли, рубеж, который, думаю, у всех в сознании существует и в большой степени самим человеком и создан. По незнанию, что ли... Такие война и мир... А потом уже после Угледарского направления или Артемовска сам Донецк как Ростов кажется... В кафешках люди чай пьют... Донецк поразил – огромный, красивейший город-миллионник. Красноярск такой. И Луганск прекрасен, только его в порядок приво-

дить надо. А основа прежняя, основательнейшая.

– Будет ли какой-то итог поездки в виде творческого произведения?

– Очерк как минимум. Хорошо бы стихи или даже песню. Но вообще ехал не «материал собирать», как многие привыкли думать о сочинителях, а прикоснуться, разделить и измениться. Открыть... И понять: мое... Ну и понятно, что ничего объемного нельзя написать после такой короткой поездки. Я же не могу, как Джек Лондон, у которого плевки замерзают на морозе. А уж о войне что говорить – тут десятилетняя ответственность. А писать надо так, чтоб в любом описываемом тобою деле самый непрофессионал восхищенно губу выпятил: «Смотри чо – а он наш!»

А состояние сейчас такое, что хочется крикнуть донбасским ребятам: «Я ваш!» Безо всякой писанины.

Марат ВИНСКИЙ

Фото из архива
Михаила ТАРКОВСКОГО

Работа систем залпового огня «Град» ■